

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Д. П. Кондраль

Формирование политической культуры в современном российском обществе

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Kondral.pdf>

Перепечатка с сайта Социологического
института РАН <http://www.si.ras.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Барабанов О.Н., Лебедева М.М. Глобализация и образование в современном мире // Глобализация: человеческое измерение: Учебное пособие. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 54–75.

Бордовский Г.А. Педагогическое образование: современные вызовы // Высшее образование сегодня. 2005. № 12. С. 14–20.

Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.: Изд-во «Весь Мир», 2004.

Дубровский Е.Н., Соколова И.В. Основы социальной информатики: Конспект лекций // Проблемы социальной информатики. М., 1996. Вып. 1.

Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: Учебное пособие. Изд 3-е, перераб. и доп. М.: Издательская корпорация «Логос», 2000.

Кристалл Д. Английский язык как глобальный: Пер. с англ. М.: Изд-во «Весь Мир», 2001.

Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: Учебное пособие. СПб: СПбГУП, 2000.

Матвеева Н.А. О соотношении инерционности и субъективности в образовании // Социологические исследования. 2002. № 3.

Braun H., Kanjee A., Bettinger E., Kremer M. Improving Education Through Assessment, Innovation, and Evaluation. The American Academy of Arts and Sciences, 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.amacad.org/publications/books.aspx>.

Constructing Knowledge Societies: New Challenges for Tertiary Education. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы: Пер. с англ. М: Издательство «Весь Мир», 2003.

Label France. 2002. № 54.

Martinez B. L'université française face a son avenir [Текст] / B. Martinez // Le Français dans le monde. Mars-avril 2004. № 332. P. 37–38.

Rapport d'information déposé par la délégation de l'Assemblée Nationale pour l'Union européenne sur l'enseignement supérieur en Europe. Le 17 novembre 2004. [Текст]. Paris, 2004.

The Black Book of the Bologna Process / The National Unions of Students in Europe. May 2005. [Электронный документ]. Режим доступа: <http://www.esib.org/documents/blackbook.pdf>.

Tomusk, V. The open world and closed societies: essays on higher education policies «in transition». N.Y.: Palgrave Macmillan, XVII. 2004.

Д.П. Кондраль
(Сыктывкар)

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Распад СССР поставил перед всеми возникшими на его руинах государствами двуединую проблему политической модернизации и геополитического самоопределения. Для подавляющего большинства постсоветских обществ источником ресурсов и генератором образцов, необходимых для глубокой ценностной трансформации и обретения новой идентичности, стала национальная традиция и традиционная геополитическая ориентация.

Сложнее всего преодоление советского наследия дается России. Дело в том, что в ходе всех прежних попыток модернизации консолидация российского общества строилась на имперском или псевдоимперском политическом базисе. В итоге с распадом «советской империи» и последующей деструкцией имперских оснований идентичности российский социум вступил в полосу глубокого кризиса ценностных и цивилизационных ориентаций. Проблема национальной консолидации, не поддающаяся решению ни в рамках старой, советско-имперской, парадигмы развития, ни на пути космополитического «ультралиберализма», повернуть на который пытались реформаторы 1990-х гг., стала камнем преткновения российской политической модернизации (Лапкин, Пантин 2005: 44).

На первый взгляд, кажется, что переход к демократии и адаптация к ценностям современного рыночного общества представляют для российских граждан не большую сложность, чем для граждан других посткоммунистических стран, например государств Восточной Европы. Те, кто разделяет этот взгляд, исходят из того, что российское общество является урбанизированным, индустриальным, а ценности архаичного, традиционного социума в советский период были разрушены вместе с патриархальным бытом и прежними условиями. Однако при этом в тени остается одно важное обстоятельство, представляющее исключительную особенность советского общества (отсутзовавшую даже в бывших социалистических странах Восточной Европы). Речь идет о глубине социальных разрушений, когда вместе с архаикой были уничтожены и ростки самосознания личности, автономной от государства, а на расширенном таким образом поле сформировалась совершенно особая, по-своему уникальная система ценностей советского человека. Эта система ценностей существенно отличалась от тех ценностных ориентаций, которые преобладали в странах Западной и Восточной Европы или Латинской Америки, совершавших более или менее успешный переход к демократии и рынку. В отличие от этих стран ценности, господствовавшие в советском обществе, фактически блокировали процессы формирования современного гражданского общества и рыночных отношений. Вот почему переход к демократии и к рынку в России оказался сопряжен с необычайно сложными, противоречивыми и в какой-то мере беспрецедентными процессами в ценностной сфере.

Традиционная культура дореволюционного российского общества (включая дворянскую, крестьянскую, купеческую, городскую мещанскую субкультуры) в советский период была практически полностью уничтожена, а господствующее место не только в идеологии, но и в массовом сознании заняли советские мифы, советские ценности, советские «традиции».

Важно подчеркнуть, что ценности позднего советского общества не были простым слепком с официальной коммунистической идеологии; во многом они были результатом специфического компромисса между реальными отношениями, существовавшими внутри различных слоев со-

ветского общества, идеологическими догмами и патерналистским сознанием, унаследованным от прежней России, но трансформировавшимся в своеобразную «религию тотального государства». Реальным ядром системы советских ценностей были не идеи социализма и коммунизма, а представления о государстве как источнике всех социальных благ, всех прав и обязанностей граждан. И речь здесь не о том, что государство действительно играло решающую роль в экономике, политике и, особенно в социальной сфере. Отличительной чертой советского сознания были явно или неявно выраженный миф о государстве — собственнике всех материальных ценностей, всех продуктов прошлого, настоящего и будущего труда своих подданных, о государстве, которое «одаряет» их этими благами в соответствии с заслугами перед ним, а также принципами социальной справедливости и равенства. Поэтому центральной советской ценностью, под которую подстраивались и в соответствии с которой видоизменялись все остальные ценности, было Государство с большой буквы, дающее свет и тепло.

Весьма прочно укорененная в сознании и ценностной сфере значительной части советского общества особая разновидность государственного патернализма существенно отличалась от «классического» патернализма, известного из истории других стран. Особенностью советского государственного патернализма была полная сращенность важнейших социальных ценностей с представлениями о государстве как единственной силе, способной обеспечить реализацию социальных прав граждан. При этом никакого равноправия, подразумевающего возможность договора между отдельным человеком и государством и даже между обществом в целом и государством не предполагалось: реальным субъектом было только государство, но не отдельный человек или социальная группа. Чиновники и даже высшие руководители могли действовать неправильно, но в сознании советского человека государство было всегда право, потому что в этом сознании царило представление не о реальном, а об идеальном государстве, государстве-отце, государстве-боге.

По мере того, как общество усложнялось и дифференцировалось, становилось урбанизированным, идеология, рассчитанная на малообразованную массу выходцев из деревни, все чаще и чаще не срабатывала. Официальные «коллективизм» и «энтузиазм» все слабее воздействовали на сознание людей, постепенно превращаясь в миф о героическом прошлом. Аскетизм стал немодным, с 1970-х гг. люди в реальной, а не выдуманной жизни все больше руководствовались гедонистическим принципом «красиво жить не запретишь». В недрах советской системы ценностей, основанной на обожествлении государства, вызревало ее своеобразное, хотя и не вполне продуктивное самоотрицание (Пантин, Лапкин).

Период 1990–1993 гг. характеризовался распадом господствовавшей прежде системы идеологизированных советских ценностей, сопровождавшимся подвижками в самых различных направлениях, важнейшими

из которых были: система ценностей либеральной демократии, характерная для современного западного общества, «традиционные» ценности в их почвеннической интерпретации; наконец, асоциальные ценности маргинальных и люмпенизированных слоев.

В ходе второго периода 1994–1997 гг. наиболее важными стали прежде всего процессы ускоренного ценностного размежевания между элитными и массовыми группами, а также между молодежью и людьми старших возрастов (Там же).

Наконец, третий период после 1997 г. был ознаменован противоречивыми процессами ценностной консолидации и ценностного размежевания внутри самих элитных групп, а также оживлением в сознании достаточно широких слоев российского населения ценностных ориентаций, связанных с государственным патернализмом и особой российской версией авторитаризма. В отличие от классического авторитаризма, основанного на сочетании экономических свобод, невмешательства государства в сферу частных интересов граждан с резким ограничением политических свобод, в сознании немалой части российского населения (в 1997 г. — не менее 20% — Лапкин, Пантин 1997), идеалом стало сочетание жесткого государственного контроля над экономикой с сохранением политических прав и свобод. Такой «квазиавторитарный» тип ориентаций соединяет в себе взаимоисключающие ценности личной свободы и демократии в политической сфере с ценностью государства как единственной силы, обеспечивающей порядок в экономике и самое ее функционирование. Разумеется, подобный режим, как показывает история, в реальности существовать не может, но в сознании многих российских граждан он является желанным идеалом, который вполне соответствует сочетанию привычной ориентации на «государство-хозяина», «государство-отца» с некоторыми, на первый взгляд, либеральными предпочтениями в политической сфере (такими, например, как свободные выборы). Не составляет большого труда предвидеть, в какую сторону будут эволюционировать ценностные ориентации сторонников «авторитаризма», если учесть, что для представителей этой группы наиболее естественна «смычка» с теми, для кого ни экономические, ни политические права и свободы не представляют сколько-нибудь значимой ценности. Сильная авторитарная власть в конкретных условиях сегодняшней России скорее всего может стать всего лишь прологом к новому пришествию тоталитаризма, при котором государство решительно подавит общественную свободу (Пантин, Лапкин).

Социологические исследования позволяют выявить в современном российском обществе ценности дифференцирующие (разделяющие) и ценности интегрирующие (объединяющие) различные социальные группы. В числе наиболее важных ценностей, довольно резко дифференцирующих элитообразующие и массовые группы — «образованность», «профессионализм», «личное достоинство», «трудолюбие», «права человека».

Общая картина ценностного размежевания общества разительно меняется при переходе от профессиональных групп к социально-демографическим, различающимся по уровню образования, возрасту и уровню доходов. Ценности, которые существенно дифференцируют российское общество на уровне профессиональных групп, при социально-демографической градации, как правило, обретают качество интегративности. Так, из общего числа 59 ценностей, использованных в исследовании Фонда «Общественное мнение» (Лапкин, Пантин 1998), только 10 дифференцируют социально-демографические группы. При этом лишь пять из их числа можно считать действительно общественно значимыми: это «демократия», «справедливость», «деньги», «равенство» и «терпеливость». Именно в отношении этих ценностей наблюдалось размежевание между основными социально-демографическими группами населения России, именно на основе этих ценностей сплотить российское общество в 90-е гг. было невозможно.

Описанным дифференцирующим общество тенденциям противостоят, однако, противоположные, олицетворяемые ценностями, интегрирующими различные профессиональные, элитные и массовые группы. Характерно, что соответствующие ценности, среди которых в числе наиболее значимых «семья», «безопасность», «свобода», «духовность», «гуманизм», по самой своей природе несут мощный заряд общественной консолидации и стабильности, который имело бы использовать силам, заинтересованным в общественно-политическом согласии. Особенно это относится к первым трем ценностям, которые имеют достаточно высокий и устойчивый рейтинг среди российских граждан и которые являются вместе с тем важнейшими ценностями современного общества. (В этом плане весьма показательными являются результаты массового международного опроса, проведенного по инициативе фирмы ROPER весной 1997 г. среди жителей США, Восточной Европы (Чехия, Венгрия, Польша), Казахстана и России. Согласно его результатам, наиболее важной индивидуальной ценностью и у граждан России, и у граждан США является «безопасность семьи»; в десятку наиболее важных индивидуальных ценностей и у жителей США, и у жителей России входит также «свобода в действиях, мыслях» (США — 7-е место, Россия — 10-е место. См.: Голов 1997: 32–33)

Можно проследить еще несколько сквозных тенденций, характерных для процессов трансформации ценностной сферы россиян на всем протяжении бурных 1990-х гг. Во-первых, отметим как общую тенденцию деидеологизацию ценностных предпочтений. Так, опрос, проведенный Фондом «Общественное мнение» в апреле 1998 г., показал, что в ряду ценностей индивидуальной жизни «материальный достаток, благоустроенное жилье, хорошие бытовые условия» занимает второе место (61%) после «собственного здоровья, здоровья близких» (76%), а «стабильность жизни, отсутствие потрясений» — третье место (33%).

Во-вторых, сквозной для всех 1990-х гг. является тенденция формирования и развития так называемого «потребительского индивидуализ-

ма» или «адаптационного индивидуализма», которая в свое время отмечалась И.М. Клямкиным (1993: 45—50) и Г.Г. Дилигенским (1998: 30—37). Согласно этим и другим авторам, индивидуализм, характерный для постсоветского человека, это не индивидуализм западного общества, предполагающий наличие гражданского общества, развитой системы социальных связей, культуры участия и т.п. Постсоветский индивидуализм — это прежде всего не вполне адекватная реакция на прежний, во многом насаждавшийся сверху коллективизм, и оборотной его стороной является распад социальных связей, слабость гражданского общества, отсутствие солидарности в отстаивании своих социальных и политических прав. Наконец, в-третьих, для всех 1990-х гг. характерна принципиальная незавершенность формирования единой непротиворечивой системы ценностей, которую разделяло бы подавляющее большинство российского общества. Существующие блоки старых и новых ценностей не образуют целостного единства, часто они более или менее явно конфликтуют между собой, не давая сформироваться устойчивому «ядру» новой системы ценностей. Ценностные конфликты наблюдаются не только между различными профессиональными и социально-демографическими группами, но и внутри основных социальных групп российского общества. Ни одна из этих групп не является однородной по своим ценностным ориентациям, которые часто выглядят непоследовательными и противоречивыми. Благодаря этой непоследовательности и противоречивости обнаруживаются заметные колебания внутри элитных и массовых групп. Одним из проявлений этой неустойчивости может стать смена политических предпочтений — от приверженности демократическим правам и свободам к поддержке режима «сильной руки» (Пантин, Лапкин).

Таким образом, можно говорить о некоей своеобразной политической культуре, сложившейся в России. С одной стороны, она отлична от культуры Запада, с другой — от культуры Востока. Ее можно охарактеризовать как постсоветскую российскую политическую культуру. Этап ее замены на новую культуру еще не близок, но можно с уверенностью говорить, что это не замкнутая политическая культура и несомненно способная к радикальной трансформации. Хотя данная трансформация тормозится социально-экономическим аспектом культуры, который направлен на обоснование ценностей капиталистического неравенства в обществе. В связи с этим можно говорить о некоем торможении аспектов равенства и свободы в политической культуре современной России.

Голов А. Индивидуальные ценности и потребительское поведение в России и в США // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 6.

Дилигенский Г.Г. Реформы и общественная психология // Власть. 1998. № 3.

Клямкин И.М. Политическая социология переходного общества // Политические исследования. 1993. № 4.